

ЗА РОДИНУ

№ 146 (546)

Среда, 5-го июля 1944 г.

Цена 50 коп.

Русская ежедневная газета. Главный редактор Анатолий Стенос. Редакция: Рига, улица Рихарда Вагнера 57. Из освобожденных областей следует писать в газету через Центральную Русскую Почту: Feldpost Nr. 39609 Ru (Z. R. P.) «За Родину». Подписка принимается во всех почтовых отделениях по месту жительства. Плата за подписку — 12 стандартное объявление 30 руб.) посылать почтовым денежным переводом по адресу: Postscheckamt Riga, Konto 337 («Sa Rodinu»)

Начало расплаты

В. Огнев

Время ожидания прошло окончательно. Это совершенно отчетливо показывают события на Западе, где германское командование принимает сейчас первые мощные боевые средства, подготавливавшиеся в дни длительного и терпеливого ожидания.

Единственная в своем роде историческая операция, начатая 15-го июня против южной Англии и Лондона, соединяет в себе военную необходимость и приговор, который лондонские преступники вынесли сами себе своей более, чем двухгодичной воздушной войной против европейского гражданского населения.

Если операцию против Англии рассматривать с точки зрения мирового суда против жестокосердного преступника, то едва ли здесь остается на доброту в каких-либо разъяснениях. Каждый европеец, живший в областях, подвергшихся бомбардировке, является свидетелем обвинения против Англии.

Стоит лишь вспомнить о том, как часто английские и американские газеты торжествовали по поводу воздушного террора, как часто английские и американские государственные чиновники и генералы заявляли, что «бомбы» — единственное воспитательное средство, которое немцы способны понять, вспомнить, как Черчилль и его маршал воздушных сил Гаррикс похвалялись, что их новейшие тяжелые бомбы способны дробить живые кварталы, как молоток орехи, вспомнить, что английские священники и епископы благословляли своих летчиков, как английских детей задерживали на Трафальгарской площади (в Лондоне), чтобы они сделали черточку на бомбе в знак того, что и по их воле эти бомбы сбрасываются на головы германских, французских и венгерских детей. Обвинительное заключение по делу воздушных террористов непреложно и неопровержимо. Сейчас, ни в Германии, ни в какой-либо другой европейской стране не может быть ни малейшего спора на тему о том — заслужили англичане получаемое ими наказание или нет. Европа знает: они его заслужили!

И все же, несмотря на абсолютную достаточность оснований для операций, связанных только с одним возмездием, германское командование руководствуется и здесь военной точкой зрения. Германские «динамитные метеоры» извергаются на зоны, имеющие военное значение; на доки, на склады, на пути и средства сообщения, на промышленные кварталы Лондона, на порты южной Англии, и прежде всего на Портсмут, обрушиваются на пункты, где в эти дни интенсивным темпом идет погрузка воинских частей, на исходные пункты марша против Европы, на пункты, где расположился Эйзенгауер со своими армиями. Германское возмездие — это прежде всего операция военного значения и как таковая она является важной составной частью сражения на западе.

Германского солдата, стоящего на западе и борющегося плечом к плечу с русскими добровольцами, стремящимися к решительным боям против мирового капитализма и большевизма, наполняет чувство глубочайшего удовлетворения по поводу того, что приговор над Англией проводится в исполнение. Не только это! Нет! Радует сознание, что эта мера далеко не окончательная, что Германия приготовила еще многое для решительного часа. О том, что ожидает Англию впереди, едва ли можно сказать лучше, чем выразился хорошо известный по своим выступлениям по германскому радио Ганс Фризе, характеризовавший положение такими словами: «Англичане были бы по-детски наивны, если бы поверили, что им дадут только попробовать тот суп, который для нас специально варили... То, что сейчас происходит, это лишь первый оборот винта, и винт этот будет так туго завинчен, как этого потребуют обстоятельства!»

СРАЖЕНИЕ НА ВОСТОКЕ ОЖЕСТОЧАЕТСЯ

Противник ворвался в Минск. Оставлен Полоцк. У дороги Минск — Барановичи враг отброшен назад.

Ставка Фюрера, 4 июля. Верховное Командование германских вооруженных сил сообщает:

В Нормандии неприятель вчера продолжал наступление при сильной поддержке артиллерии и танков на западном фланге десантного плацдарма. Противник был в основном отогнан и только в некоторых местах в упорных боях смог вклиниться в германское расположение. На остальном фронте день прошел почти без перемен.

В Бретани уничтожена группа из двадцати диверсантов, а также 58 перелетчиков в гражданском платье вражеских парашютистов.

Прошлой ночью тяжелые германские боевые самолеты атаковали скопления неприятельских судов у Нормандского побережья. Два десантных баркаса получили прямые попадания бомб. Замечены попадания бомб в неприятельские разгрузочные пункты.

У побережья Голландии охранное судно германского каравана подожгло артиллерийским огнем английский быстроходный катер.

Лондон подвергается тяжелому обстрелу германским оружием «В I».

В Италии сила неприятельского большого наступления за вчерашний день несколько уменьшилась. Сильные бои продолжались только на западном побережье моря, в районе Сиены и на Адриатическом побережье. На западном побережье противнику удалось овладеть небольшим участком. На остальных участках фронта противник был отражен, понеся при этом большие потери.

На среднем участке восточного фронта напряжение боевых действий продолжает нарастать. К западу от Слуцка атаки неприятеля перемежаются с германскими контратаками. Неприятель, прорвавшийся до железнодорожной линии Барановичи — Минск, был отброшен решительной контратакой германских танковых дивизий и потерял большой урон. Танковые соединения противника ворвались в Минск и продолжают наступление на запад от города. Юго-восточнее Минска германские соединения оказывают ожесточенное сопротивление противнику, наступающему со всех сторон, и пробиваются к западу. Под Молодечно передовые части наступающего противника были опрокинуты

германской контратакой. Западнее Полоцка на берегу Двины германскими частями отбиты повторные атаки большевиков. Полоцк, после боев с переменным успехом, в конечном счете оставлен германскими частями.

Германская авиация, участвовавшая в боях, рассеяла многочисленные колонны неприятеля и уничтожила много танков, орудий и несколько сот автомашин противника.

Прошлой ночью германские боевые самолеты атаковали многочисленные советские железнодорожные станции и уничтожили значительное количество военного материала. Особенно большие пожары и сильные взрывы отмечены на станции Борисов.

В районе Белграда американские бомбардировщики беспорядочно сбросили бомбы, а также бомбардировали несколько населенных мест в Румынии. Германской и румынской противовоздушной обороной сбито 19 неприятельских самолетов.

Одиночные английские самолеты прошлой ночью бомбардировали населенные пункты в Рейнско-Вестфальской области.

Японцы наступают из Кантона

Шанхай, 4 июля

По сообщению чунцинского командования, в кровопролитных сражениях за обладание городом Хенгъян, чунцинские части понесли тяжелые потери. Агентство Рейтер указывает, что надежды Чунцина на окончание японского наступления в Хунани взятием Хенгъянга не сбываются. Опасение возможного вторжения японцев в провинцию Квангси вызвало в Квейлине сильную панику.

По сведениям из Чунцина, японские части шесть колоннами выступили из Кантона по направлению к северу и достигли значительных территориальных успехов.

НОВЫЕ СИЛЫ

Германские бронетанковые резервы на востоке развертываются

На фронте вторжения наступили наиболее спокойные дни с начала операций. Англо-американцы заняты теперь подготовкой удара на юг, задержанного на несколько недель упорной обороной крепости Шербург.

Зато на восточном фронте с прежней силой бушует сражение между Припятью и Двиной, на среднем участке фронта. Как всегда, в начале крупного сражения, наступающая сторона обладает некоторыми преимуществами, заключающимися в выборе направления и времени для удара. Поэтому, советские войска в первые дни боев достигли известных успехов.

Сперва большевикам, наступающим с еще невиданным до сих пор напряжением, пришлось преодолеть упорное сопротивление германских позиционных дивизий. Это значительно замедлило ход советского наступле-

ния и германское командование смогло использовать свой выигрыш времени для подвода резервных частей. Сейчас уже резервные германские дивизии развертываются и во все большем числе прибывают на поле сражения. Это танковые дивизии и части танковых гренадеров, то-есть, весьма боеспособные и подвижные соединения.

Оперативной целью противника отнюдь не является захват городов Борисова, Бобруйска или, скажем, Минска. Подобно тому, как зимой советское командование пыталось уничтожить южную германскую армейскую группу, что ему так и не удалось, — теперь оно стремится разбить центральную армейскую группу и в то же время изолировать северную.

Именно это составляло его цель, а отнюдь не овладение какими-либо городами. Начиная свое наступление, советское командование хвастливо объявило свои намерения — открыть дорогу на Берлин. Так как между германской границей и советскими войсками стоит германская армия, то достижение такой цели должно было бы иметь предпосылкой разгром германских войск.

Противник на этот раз, как и всегда, однако, своевременно забывает свою основную цель, и теперь уже начинает рекламировать свои территориальные приобретения. Из этого можно заключить, что в стане большевиков дают себе отчет в неосуществимости вождельных стратегических целей и поэтому хотят успокоить себя некоторыми тактическими успехами. Само собой разумеется, что оборонительное сражение потребует с германской стороны не малых усилий и жертв. Совершенно не следует преуменьшать напряжение советских сил. В первую очередь, это было бы несправедливо по отношению к германским армиям, непрерывно ведущим ожесточенные бои.

Разбитый американский планер.

Почтовые голуби оказывают немалую помощь германским частям на фронте вторжения.

Невозместимая утрата Речь Фюрера на похоронах генерал-полковника Дитль

Прощаясь с прахом разбившегося во время авиационной катастрофы генерал-полковника Дитль, Фюрер произнес речь, в которой сказал:

— Мне очень тяжело говорить о несчастии, лишившем меня не только одного из лучших солдат, но и одного из преданнейших друзей. Военные заслуги генерал-полковника Дитль войдут в историю. Его человеческие качества может определить лишь тот, кто знал его в течение многих лет.

В тот день, когда я впервые беседовал с вверенной Дитлю частью, он подал мне руку и сказал, что впрямь будет моим искренним приверженцем. Это осталось навсегда. Так было и в трудные годы нашей борьбы, когда я сам стоял перед множеством трудностей, казавшихся почти непреодолимыми, и позже, когда Дитль был уже в рядах новой армии. Особенно же, когда он был призван сыграть руководящую роль в одной из труднейших операций настоящей войны.

Когда я принял решение назначить генерала Дитля руководителем экспедиции в Нарвик, то твердо верил, что имею в его лице человека, который исполнит все возможное. Сегодня, на пятый год войны, мы часто находимся в затруднительном положении, однако, это даже в отдаленной степени нельзя сравнить с заданием, данным мною тогда еще малоизвестному ге-

нералу. С горсточкой солдат должен был он прорваться через ядро неприятельского флота в порт, лежащий очень далеко от Германии. Отрезанный от всех своих войск, без провианта, без боеприпасов, без тяжелого оружия, — этот офицер с двумя тысячами пятьюстами своих горных стрелков, к которым присоединилось две тысячи потерпевших кораблекрушение матросов, без какой-либо поддержки вступил в бой с несравнимо превосходящими силами противника. То, чего тогда добился Дитль и то, что вся операция была окончательно решена в пользу Германии, — граничило с чудом и являлось результатом исключительных блестящих качеств молодого генерала.

Когда я в последний раз беседовал с ним по поводу нового военного положения в Финляндии, он был по-прежнему проникнут уверенностью, что, когда это потребует, то он справится с любыми трудностями при любых обстоятельствах. Дитль был преисполнен твердой уверенности, что в конце концов, мы достигнем победы. Он твердо знал также и о том, что вообще на этом свете невозможно добиться крупного успеха без серьезных жертв.

Мы были близкими друзьями, поэтому прощание с ним для меня особенно тяжело. Я прощаюсь с Дитлем, испытывая чувство глубокого горя, но в то же время сознаю, что эта жертва, принесенная нами на алтарь отечества, не напрасна. Она обязывает нас всех к еще большей выдержке и упорству.»

Потери флота вторжения

Берлин, 4 июля

Июнь месяц был рекордным по потоплению неприятельских судов. Потоплено 51 торговое судно, общим водоизмещением в 312.600 брт., вследствие чего общий итог первого полугодия возрос до 1.076.305 брт. За то же время повреждено 229 судов, общим водоизмещением в 1.349.000 брт. В это число не включены суда противника, погибшие от взрыва мин или суда, гибель которых не установлена с достоверностью.

За июнь месяц потоплено или тяжело повреждено 25 неприятельских крейсеров и 44 эсминца.

Неудачный большевицкий десант

Гельсинки, 3 июля

Прошлой ночью, при поддержке легких морских и воздушных соединений, неприятель силами одного батальона предпринял попытку высадиться на острове Теикари в Выборгской бухте. Однако, финские войска мгновенной контратакой опрокинули противника в море.

В западной части Карельского перешейка, неприятельские атаки отбиты во многих местах, причем скопления неприятельских частей уничтожены на их исходных рубежах. За прошлые сутки уничтожено 20 советских танков, причем 11 из них — финскими самолетами. На линии Вуоксы продолжается артиллерийская перестрелка и минометный огонь.

На перешейке Аунус, в районе Райконтта и Теру, неприятель продолжал наступление сильными соединениями при поддержке самолетов и танков. Финские части оказали упорное сопротивление. Противник понес большие потери. Ему удалось добиться

некоторого выигрыша территории. Теру оставлено финскими войсками. Уничтожено большое число танков противника.

По направлению Маасельке под Юустерви и Муниарви продолжают тяжелые бои.

В Выборгской бухте операции финских наземных частей были успешно поддержаны огнем береговой артиллерии.

Соединения финской и германской авиации северо-западнее Тали продолжали сосредоточенные налеты на скопления неприятельских частей и танков, а также бомбардировали неприятельские суда в Выборгской бухте. Потоплено два крупных и одно малое неприятельское судно. Кроме того, тяжело повреждено одно крупное неприятельское судно. Финской и германской авиацией и противовоздушной обороной сбито 26 неприятельских самолетов и один наблюдательный баллон.

Наивная наглость

Париж, 3 июля

Американцы сбросили во Франции листовки, в которых говорится, что англо-американские «освободители» французские девушки и женщины должны встречать как героев. Как гласит листовка, женщины Франции должны не только устраивать шикарные банкеты для «героев», но и встретить их с раскрытыми объятиями, дать им немного женской ласки и любви.

В дополнение к этим листовкам, можно привести некоторые факты. До сих пор только в Нормандии англо-американскими бомбами убито приблизительно 40.000 французских, главным образом, женщин и детей. Таким образом, число погибших от англо-американских бомбардировок французских женщин достигает уже сотни тысяч человек и превышает общее число потерь французской армии во время войны 1940 года. В одном только городе Каен бомбами убито 15.000 французских, в то время как жертвой этой же бомбардировки в Каене стало девять немецких солдат.

В самом деле, французские женщины имеют все основания встречать англо-американских солдат с распростертыми объятиями!

Убийцы

Гаага, 3 июля.

Англо-американцы ведут свой воздушный террор в Голландии с холодной расчетливой жестокостью. За последние дни обстрелу бортовым оружием подверглись не только пассажирские поезда или автомашины, но даже молочные повозки. Между городами Эдам и Воллейдам обстреляны трамвайные вагоны. Убиты три женщины и четырехлетняя девочка. Семь голландок тяжело ранены.

Налет на Флоренцию

Милан, 3 июля

В ночь на 3-е июля англо-американская авиация снова произвела налет на Флоренцию. На город сброшено большое количество зажигательных и фугасных бомб. Кроме того, улицы исторического города были обстреляны бортовым оружием неприятельских самолетов.

Бои за Шербург окончены

Берлин, 3 июля

Бои за Шербург и северную часть полуострова Контентен закончились. От тридцати до сорока неприятельских тральщиков и мелких судов вошли в порт. Германские опорные пункты, израсходовав до последней все свои гранаты, не могли больше этому воспрепятствовать. Порт Шербург перешел в руки англо-американцев.

После того, как американцам, при помощи множества танков, огнеметов

и моторизованных соединений удалось прорвать слабые германские защитные позиции, ограждавшие северный мыс полуострова, весь полуостров Контентен тоже перешел в руки противника. Германской боевой группе, насчитывавшей менее двух тысяч человек, в течение ряда дней удавалось сдерживать натиск двух вооруженных до зубов американских дивизий. Этот подвиг наилучшим образом свидетельствует о доблести и боевом духе германских войск.

Но надо гордиться, июньская ночь коротка. Вдруг вспыхивает осветительная ракета, поля и дороги окрашиваются в желто-красный цвет, теперь оправдала себя маскировка, казавшаяся сначала ненужной ночью. Низко проносятся вражеские истребители, лают пулеметы. Но машины не задерживаясь продолжают свой путь к фронту. Вторжение придало новые черты боям и предъявило к немецким солдатам новые требования. И они вполне справились со своими новыми задачами, нигде врагу не удалось помешать планомерному проведению германских мероприятий.

Восток окрашивается постепенно в розовый цвет, светлеет. Теперь можно двигаться скорее. Эта страна знакома многим германским солдатам еще из похода 1940 года. Но какая разница между тем, что было тогда и теперь! Тогда война прошла почти не затронув мирные поля и деревни Нормандии, а теперь... Даже много испытанные солдаты, видевшие военные опустошения на востоке и в Италии, даже те, кто дома потерял все после налета воздушных террористов, спрашивают себя, зачем понадобилось врагу разрушать эти мирные деревни. В груды дымящихся развалин превращены беленькие домики, искромсаны и разбиты деревья в садах и парках, поля изрыты глубокими воронками. А ведь во всех этих местеч-

ках не было никаких военных объектов, не было даже скопления войск, разве что кое-где можно было встретить отдельных немецких солдат. Какая-же слепая ярость, ненависть ко всему живому, жажда разрушения руководила этими «освободителями» Франции!

Навстречу попадают колонны беженцев. Они несут наскоро связанные узлы с тем, что успели захватить с собой, женщины прижимают к груди детей. В глазах их светится недавно пережитый ужас, ими владеет одна мысль: как можно скорее уйти отсюда подальше. Но и в дороге многих из них настигает смерть, английские и американские самолеты обстреливают колонны беженцев бортовым оружием.

Но надо гордиться, июньская ночь коротка. Вдруг вспыхивает осветительная ракета, поля и дороги окрашиваются в желто-красный цвет, теперь оправдала себя маскировка, казавшаяся сначала ненужной ночью. Низко проносятся вражеские истребители, лают пулеметы. Но машины не задерживаясь продолжают свой путь к фронту. Вторжение придало новые черты боям и предъявило к немецким солдатам новые требования. И они вполне справились со своими новыми задачами, нигде врагу не удалось помешать планомерному проведению германских мероприятий.

Восток окрашивается постепенно в розовый цвет, светлеет. Теперь можно двигаться скорее. Эта страна знакома многим германским солдатам еще из похода 1940 года. Но какая разница между тем, что было тогда и теперь! Тогда война прошла почти не затронув мирные поля и деревни Нормандии, а теперь... Даже много испытанные солдаты, видевшие военные опустошения на востоке и в Италии, даже те, кто дома потерял все после налета воздушных террористов, спрашивают себя, зачем понадобилось врагу разрушать эти мирные деревни. В груды дымящихся развалин превращены беленькие домики, искромсаны и разбиты деревья в садах и парках, поля изрыты глубокими воронками. А ведь во всех этих местеч-

ках не было никаких военных объектов, не было даже скопления войск, разве что кое-где можно было встретить отдельных немецких солдат. Какая-же слепая ярость, ненависть ко всему живому, жажда разрушения руководила этими «освободителями» Франции!

Навстречу попадают колонны беженцев. Они несут наскоро связанные узлы с тем, что успели захватить с собой, женщины прижимают к груди детей. В глазах их светится недавно пережитый ужас, ими владеет одна мысль: как можно скорее уйти отсюда подальше. Но и в дороге многих из них настигает смерть, английские и американские самолеты обстреливают колонны беженцев бортовым оружием.

Но надо гордиться, июньская ночь коротка. Вдруг вспыхивает осветительная ракета, поля и дороги окрашиваются в желто-красный цвет, теперь оправдала себя маскировка, казавшаяся сначала ненужной ночью. Низко проносятся вражеские истребители, лают пулеметы. Но машины не задерживаясь продолжают свой путь к фронту. Вторжение придало новые черты боям и предъявило к немецким солдатам новые требования. И они вполне справились со своими новыми задачами, нигде врагу не удалось помешать планомерному проведению германских мероприятий.

По дорогам Франции

Вражеская бомбардировка не нарушает германского подвоза

На колокольне собора в Кутансе прорубило семь. Это единственный звук нарушающий мертвую тишину городка. В городке нет ни одной живой души. Лишь кое-где между развалин бродят голодные кошки и кролики. На одном из домов надпись: «Мы уходим, позаботьтесь о животных». Для кого это написано? Кто должен заботиться? Кругом пусто.

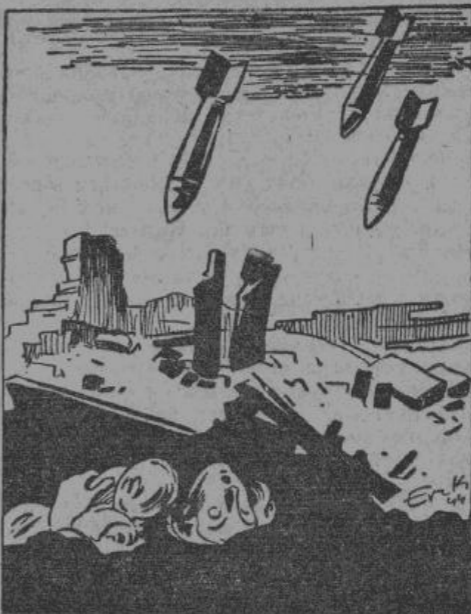
Транспортная колонна покидает вымерший городок. Теперь уже все ближе слышен шум фронта. Артиллерийские залпы, разрывы гранат, шум моторов — все это сливается в один мощный гул. С дорог рабочие команды убирают остатки разбитых самолетов и машин. Дороги должны быть очищены, этого требует фронт!

В. А.

ВО ФРАНЦИИ

1940 г. — Противник.

1944 г. — Союзники.

Как был удержан мост через реку Великую

Берлин, 3 июля

После многочасовой артиллерийской подготовки, советским войскам удалось ворваться в позиции одной германской дивизии юго-восточнее Острова. Затем советские войска повернули на юг с намерением захватить в свои руки единственный на протяжении многих километров мост через Великую.

В этот критический момент фельдфебель Вальтер Зюсс, командир взвода мотоциклистов получил задание во что бы то ни стало удержать мост за собой; в случае же, если противнику уже удалось достичь его, то отбить мост снова. Когда фельдфебель со своим взводом приблизился к позиции, расположенной у моста, эти последние находились уже под сильным артиллерийским огнем противни-

ка. Фельдфебелю удалось прорваться через огневую завесу и достичь высот на берегу. Хотя обе эти высоты, лежащие западнее и северо-западнее моста, были удобны для защиты, фельдфебелю они казались расположенными слишком близко к мосту. Существовала опасность, что при перемене позиций, мост все-таки попадет под удар. Поэтому Зюсс решил занять также деревню, находившуюся в семистах метрах от занятых им высот. После короткой, но упорной борьбы с советскими войсками, батальон Зюсса отступил их назад и занял деревню. Новые позиции, выбранные фельдфебелем, оказались очень удачными. Ему удалось удержать за собой мост, сыгравший потом немаловажную роль во время успешной германской контратаки.

«Да, что бы ни говорила Гермина, а это не к добру», — подумала Ольга и перекрестилась.

У входа в гостиницу ее остановил солидный господин, с видом тайного советника в отставке, исполняющий роль швейцара в гостинице «Бристоль».

— Вам письмо, сударыня. Принесено посылным.

Еще не видя письма, Ольга почувствовала, что это — известие от Рудольфа.

— Что случилось? — спрашивала она себя, подымаясь по лестнице с распечатанным конвертом в руках. Она боялась разорвать этот знакомый

конверт из толстой слоновой бумаги, над которым она не раз смеялась, упрекая профессора в «бумажном кокетстве».

Коридор был пуст. До ее помещения еще два этажа. Ждать дольше она не могла и тут же дрожащей ру-

кой разорвала конверт и, окинув его одним взглядом, прочла записку — всего три строчки:

«Ольга... Простите просьбу... Но дело о жизни и смерти... Жду вас сейчас же... не медля ни минуты. Повторяю, простите и... поймите... вопрос жизни всегда вашего Рудольфа... Ключ от входной двери посылаю. Моя будет отперта»...

Неверный почерк... недописанные слова, дрожащие строчки... От письма веяло несчастьем. Ольга закусила губы, чтобы громко не застонала.

«Масоны», внезапно прозвучало в ее мозгу так ясно и отчетливо, точно кто-то шепнул ей это слово на ухо.

— Да, масоны, — прошептала она беззвучно шевеля губами, и не раздумывая, не колеблясь повернула обратно и стала спускаться вниз по лестнице.

Не замечая удивленного лица величественного швейцара, ни любопытно насмешливых взглядов полдюжины посыльных, стоящих шеренгой у ярко освещенного входа, Ольга быстро вышла на подъезд и вскочила в карету первого попавшегося извозчика, машинально крикнув ему адрес Рудольфа.

XVII. КРОВЬ И РОЗЫ.

Со странным чувством остановилась Ольга у знакомого ей подъезда. Входные двери были уже заперты, а маленькое оконце привратника в полуподвале закрыто ставнями, сквозь которые не пробивался ни малейший луч света. Весь дом, казалось, спал. Только четыре окна третьего этажа слабо светились. Ольга сразу поняла, что там квартира Рудольфа и что он ждет ее.

— Подождите меня здесь, голубчик, — обратилась она к извозчику, отдавая ему первую попавшуюся монету, и дрожащими пальцами вложила в

Английский король о „В 1“

Стокгольм, 3 июля.

В центре внимания английской печати попрежнему стоит новое немецкое оружие «В 1». Газета «Дейли Телеграф» сообщает, что один из крупных служащих английского министерства воздухоплавания, впервые после начала обстрела, на днях отправился со своей женой спать в бомбоубежище. Это спасло ему жизнь, так как весь дом от сотрясения воздуха, вызванного взрывом новых снарядов был буквально сметен с лица земли.

Газета сообщает, что даже английскому королю, пришлось высказать свое мнение о действии нового оружия и способах защититься от него. Английский король ни словом не обмолвился о королевской авиации, английской зенитной артиллерии или баллонах воздушного заграждения. Он обшел молчанием так же изобретательность английских инженеров или экспертов, а заявил коротко и просто:

«Я думаю, что если вы заметите, что одна из этих штук приближается к вам, то единственным средством защиты является броситься на землю и ожидать всего дальнейшего лежачим».

Как видно, остальные средства защиты, имеющейся сейчас в распоряжении англичан, значительно хуже.

В советском тылу

Совнарком СССР разослал на места циркуляр, предлагающий всем руководителям районов организовать в широких масштабах сбор дикорастущих трав и корней. Эти травы и корни, по словам циркуляра, должны рассматриваться как ценные продукты питания, которые займут главное место в снабжении населения продовольствием. Одновременно центральному научно-исследовательскому институту Наркомпищепрома дано задание разработать рецепты новых блюд из дикорастущих и выпустить их специальным сборником, как пособие для столовых общественного питания.

По данным Горьковского областного Управления народнохозяйственного учета и статистики, за три года войны число сирот и бездомных детей в области увеличилось почти в 68 раз. Число же сиротских приютов и детдомов, ввиду отсутствия средств на их содержание, сократилось за это же время более, чем наполовину.

На протяжении последних четырех месяцев население Казани не получило по продовольственным карточкам ни грамма жиров.

Со всего света

Лиссабон. — По сообщению морского министерства США, в битвах у острова Сайпан к первому июля американские части потеряли 9752 человека.

Истанбул. — Во время последнего землетрясения в Западной Анатолии в окрестностях города Коджы совершенно разрушено семь деревень.

Антиохия. — Каирской полиции удалось арестовать крупную шайку торговцев наркотиками. В шайке состоял также один из видных египетских чиновников. В его квартире было конфисковано 3200 килограммов гашиша.

(Продолжение 31-ое)

Ольга крепко пожалала руку подруги.

— Какая ты добрая... Спасибо тебе. Но, право, я не знаю, что со мной делается. Как я ни стараюсь успокоиться, а все же не могу освободиться от какого-то смутного предчувствия. Мне все кажется, что страшное несчастье грозит мне.

Гермина покачала головой.

— Уж не встретила ли ты своих фатальных англичан? — понизив голос, спросила она.

Ольга вздрогнула.

— Нет... Благодарю Бога, они исчезли. Потому-то я и не беспокоюсь о том, что мой контракт с императорским театром до сих пор еще не подписан.

— Как не подписан? Да ведь ты же играешь чуть не десятый раз...

— Как гастролерша. Разве ты не заметила этого на афише?

— Конечно, заметила и объяснила это желанием использовать успех новой звезды в мае месяце, когда театры обыкновенно пусты. Благо ты делаешь полные сборы.

— Очень может быть, что и угадала настоящую причину этих гастролей. Мне намекал наш обер-режиссер, что господин интендант не желает обманывать публику, выдавая ангажированную актрису за гастролершу.

— И обижать своих старушенций, выставляя «новенькую» в красную строку? — смеясь добавила Гермина.

— Да, и это может быть. А так как мне платят за гастролы по цендедебютов, то-есть ровно втрое больше, чем я буду получать по контракту, то я

и молчу и не беспокоюсь, именно, потому, что не вижу англичан, приносивших мне несчастье.

— И я их не вижу больше недели, — с невольной грустью подтвердила Гермина. — Они, очевидно, уехали.

— И слава Богу... Когда они здесь, я точно задыхаюсь. И вот теперь, представь себе со вчерашнего вечера, и только что у дверей Рудольфа, меня преследует мучительное чувство. Так и кажется, что на мне тяготеет ужасный взгляд лорда Джевида Моора.

Гермина вздохнула.

— А я бы Бог знает что дала, чтобы только увидеть его приятеля!

Целый вечер провела Ольга в зоологическом саду с Герминой, принцем Арнульфом и двумя его обычными спутниками, гвардейскими офицерами.

Возвращаясь домой на извозчике (Ольга отклонила слишком любезные предложения кавалеров проводить ее до дому), через опустелый и полутемный Тиргартен, она снова ощутила гнетущее чувство: мрачное предчувствие несчастья опять овладело ею.

В темной глубине извозничьей каретки Ольге чудилось знакомое красивое бледное лицо с закрытыми глазами и тонкой струйкой крови, медленно ползущей из-под темных кудрей по виску на белую щеку...

— Подождите меня здесь...

конверт из толстой слоновой бумаги, над которым она не раз смеялась, упрекая профессора в «бумажном кокетстве».

Коридор был пуст. До ее помещения еще два этажа. Ждать дольше она не могла и тут же дрожащей ру-

замочную скважину небольшой ключ, который она всю дорогу судорожно сжимала в похолодевшей руке.

Дверь бесшумно отворилась.

Ольга машинально вынула ключ из замка, захлопнула за собой дверь и смело поднялась по лестнице, придерживаясь за перила. По счастью, свет от большого электрического фонаря, стоявшего против подъезда, проник на лестницу, наполняя ее дрожащим полумраком. Ольге было жутко и страшно в этом знакомом доме, куда она пробиралась ночью, тайком, точно преступница.

Как во сне поднялась Ольга по лестнице до двери, возле которой она стояла сегодня утром. На этот раз дверь была не заперта. Сквозь узкую щель падал тонкий луч света на темные доски пола.

— Ольга... — послышалось ей в глубине полутемной лестницы, но она даже не оглянулась, сознавая, что это галлюцинация слуха.

«Ведь он меня ждет», подумала она.

Внезапный прилив решимости охватил молодую женщину и спокойно и уверенно она отворила дверь, вошла в маленькую переднюю, довольно ярко освещенную спускающимся с потолка мавританским фонариком, и вдруг остановилась пораженная...

Все было здесь ей знакомо. И стены, увешанные старыми гравюрами, и дешевенькие в восточном вкусе занавески на трех дверях, и пол, покрытый пестрой японской циновкой, и вешалка из гнутого бамбука, с небольшим круглым зеркалом, посредине, и даже этот мавританский фонарик, дающий такой трепетно-пестрый свет.

— О, Господи... — прошептала Ольга. — Откуда же я знаю все это?.. Ведь я ни разу не была здесь...

(Продолжение следует)

НА ОСВОБОЖДЕННОЙ ЗЕМЛЕ

КУРСЫ ЗАКОНА БОЖЬЕГО

Векшни.

С 1-го июля при Векшнянской церкви заботами настоятеля открыты курсы Закона Божьего для детей беженцев Векшнянского беженского округа.

ЗАБОТА О СИРОТАХ

Опочка.

В мае месяце 1944 года в Бервешкове, в километре от города, Опочечким Городским Самоуправлением открыт новый детский дом. В начале он насчитывал только тринадцать воспитанников, а в настоящее время в детском доме даются приют пятидесяти двум воспитанникам. Это круглые сироты, потерявшие своих родителей в эту войну. Основной воспитательной целью приюта: приучить детей к любовно относиться к труду, привить им чистоплотность и вежливость. Обслуживают их, кроме заведующей Бальчевской, воспитательница Теленева, две няни и технический персонал. Ребята их за чисто материнские

заботы очень любят и относятся к ним с большим уважением. Кормят здесь детей хорошо. Ежедневно полагается: мясо, овощи, крупа. При детском доме имеется земельный участок, на котором дети с большим интересом занимаются с огородным делом. В распоряжении детского дома имеются восемь коров и две лошади

СТРОИТСЯ НОВАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА

Весной этого года в Опочке сгорело помещение городского театра, и жители долгое время были лишены возможности культурного отдыха.

Сейчас здесь получено необходимое количество строительного материала на постройку новой театральной и танцевальной эстрады.

Местная театральная труппа любителей занята подготовкой новой программы, которую она покажет в ближайшее время на вновь оборудованной сцене.

ПОЭТ — НЕУДАЧНИК

150-летие со дня рождения Т. Г. Шевченко

его учиться в Варшаву к художнику Лямми, а потом в Петербург к живописцу Ширяеву. Средств к существованию у Шевченко не было, а потому

Оренбургский линейный батальон с запретом писать и рисовать. После смерти Николая I поэту было отказано в амнистии. Император Александр II собственноручно вычеркнул фамилию его из списка лиц, подлежащих амнистии, мотивируя это тем, что Шевченко оскорбил его мать.

Целых десять лет пробыл Шевченко в Оренбурге. Глушь, выжженная степь, безлюдье, свирепая дисциплина, дикие нравы крепостного гарнизона — все это угнетало и страшило доверчивую натуру поэта. Душа его горела ярким светом. Безмерно мечтательный и увлекающийся, он, не находя на свои порывы отклика, часто разочаровывался.

Так же неудачно для него оказалась любовь к актрисе Б. Б. Пиуновой, любовь без взаимности. Пиунова была юна и привлекательна. Поэт был пленен ею. В судьбе Пиуновой он принимает горячее участие. Он мечтает, пишет хвалебные рецензии, говоря, что актриса «подает большие надежды в будущем», и в душе твердо решает сделать ее своей избранницей на всю жизнь. «Я вас люблю и говорю это вам прямо, без всяких возгласов и восторгов. Сделаться вашим мужем — для меня величайшее счастье...» — писал он ей в одном из писем. Но горячая любовь поэта претерпела горькое разочарование. Пиунова отвергла его предложение, как «театральную сцену».

Эта неудача в любви сыграла в жизни Шевченко большую роль; он навсегда остался холостяком.

Е. Б. Пиуновой Шевченко посвятил несколько лучших своих произведений: «Ты не лукавила со мной, Ты другом, братом и сестрой была бедняге...» («Доля»); «И я живу, и надомною, с своею Божью краскою, горюшь ты, зоренька моя...» («Муза») и «Славу».

В Петербурге Шевченко вновь принялся за живопись, но жизнь уже близилась к концу. Лучшие годы прошли в ссылке, без света, без вдохновения. Расшатанное годами бедствий здоровье окончательно расстроилось и 28 февраля (по старому стилю) 1861 года Шевченко скончался. В своей «Заповеди» он просил, чтобы его похоронили в степях широкой, милой Украины, вблизи могучего Днепра. Желание поэта исполнилось. Он был похоронен на берегу Днепра вблизи Канева.

Жизнь поэта — ряд роковых неудач. Все, что он сделал и оставил — лишь многообещающие проблески таланта. Была бы жизнь его иной — талант одаренного и наблюдательного человека оставил бы народу гораздо больше.

П. Загорин.

В этом году исполнилось 130 лет со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко, певца Украины и казачества, вольнолюбивой натуры, всю жизнь борющейся с преследовавшим ее роком.

Вся жизнь поэта состояла из сплошных неудач, кратковременных озарений призрачными радостями и разочарования, доходившего до отчаяния. Родился Шевченко в 1814 году в Киевской губернии в крестьянской семье. Уже с ранних лет Шевченко пришлось испытать не мало горя. Мачеха отдала его — девятилетнего мальчика, сперва в пастухи, а потом в ученье к дьяку, от жестокого обращения которого Шевченко сбежал и попал к маляру, но и этот оказался не лучшим. Отец поэта был крепостным помещика Энгельгардта и в 1829 году его сын был зачислен в число дворовых людей.

Так как мальчик был одарен талантом художника, то помещик послал

он страшно бедствовал. Видя талант молодого художника К. Брюллов и Жуковский приняли в нем горячее участие и начали хлопотать об освобождении его от крепостничества, что удалось достигнуть лишь в 1838 году. Тогда Шевченко поступил в Академию художеств.

Учась живописи, Тарас Григорьевич занимался и литературой. В 1840 г. он издал свой первый сборник стихотворений «Кобзарь». Свободолюбивая Украина, могучий Днепр — вот, что вдохновляло поэта и служило ему главными темами в творчестве. Он пел о вишневых садах, о соловьях, о песнях девиц чернобровых и пахарей, о боях с панами и злой татарвой. В его стихах ревет и мечет Днепр широкий, в степях завывает на просторе ветер, в них и удаль гайдамачества и суровая казачья неволя.

Судьба Украины близка и дорога душе поэта. Большую часть своих стихов он посвящает прекрасному прошлому своей родины и с горечью замечает, что «теперь Украина уже не та. Она заснула и поросла бурьяном». Но «встанет правда на этом свете и обновится страна вольного казачества» — верил он. Через год выходит в свет вторая книга произведений поэта — «Гайдамаки».

Т. Г. Шевченко пророчат блестящую будущность, он мечтает о поездке в Италию. Однако, этим мечтам не суждено было осуществиться. Почти накануне путешествия Шевченко был арестован за свои украинофильские тенденции. Еще больше погубила его поэма «Сон», в которой художник — поэт сатирически изобразил двор Николая I. Шевченко был определен рядовым в

человек не выдумывал, не сочинял и не лгал.

— Кто же покупает в этих магазинах? Кто может платить эти бешеные цены? Кто может пользоваться такой безумной роскошью? — спросили мы. Он еще более грустно посмотрел на нас.

— Есть такие люди... там, в тылу. Большею частью жиды, конечно. Воруят и наживаются... Им деньги ничем. Жены наши, само собой, не покупают. Где ж там...

В его рассказе ужас смешан с позором, страдание смешано с наглостью, и даже человеческая смерть и та связана с издевательствами. Разве же не позор для правительства продавать продукты питания только заведомым ворами? Разве не наглость со стороны разжиревших жидов итти в эти проклятые «Люксы» и покупать там белую муку в то время, как у дверей магазинов стоят голодные с потухшими глазами? И разве не издевательства со стороны Сталина открыто говорить рабочим и крестьянам:

— По карточкам, которые я вам дал, у меня для вас нет ничего! Но для воров и негодяев у меня есть все.

«Торгсинь», открытые в голодовку 33-го года и «Люксы», открытые среди ужасов 44-го года, разве они не свидетельствуют с предельной ясностью о сути сталинской власти?

В. И.

ЛЮКС ДЛЯ НИЩИХ

Там есть селедки и вяленая вобла. Это вам не балки! Это такая роскошь, о которой никто и мечтать не смеет. Подумайте только: селедки — 550 руб, кило, а вобла — 400. Всякая мечта заморозится при одной мысли о такой недоступной роскоши.

Сахар — 800 руб. кило, масло — 1.200... Есть там даже чайная колбаса ценою в 600 рубликов, есть и щука в маринаде. Но — роскошная штука! Но — штука — люкс! Правда, она выварена и потеряла всякий вкус, но цена-то... цена! Цена коробки в 380 граммов нетто — 380 рублей! Это ли не роскошь! Грамм щуки — рубль. Кто может позволить себе такую роскошь?

Нет! Нет! Не ищите в этих магазинах трюфелей и поросят, спаржу и индеек! Там вы найдете деликатесы более тонкие, более изысканные и поэтому более недоступные. Например: там есть... ячневая крупа — 220 рублей кило! Там есть пшено — 310 рублей кило. Там есть не только ржаная, но даже и пшеничная мука — 440 рублей кило.

Эти сведения и эти цифры доставлены нам одним пленным, который в конце апреля был в Москве. Мы, было, не поверили ему, так все невероятно в его рассказе. Но всмотрелись в его грустные глаза, вслушались в его грустный тон и... поверили. Этот

человек не выдумывал, не сочинял и не лгал.

Энциклопедические фокусы

На днях в газетах была помещена заметка о том, что Центральный Комитет ВКП(б) поручил специальной комиссии начать подготовку к изданию новой советской энциклопедии, которая должна заменить большую и малую советские энциклопедии, изданные несколько лет назад; одновременно предписано строго ограничить круг лиц, пользующихся в библиотеках старыми изданиями большой и малой энциклопедии.

Из этого сообщения следует, что существующие советские энциклопедии признаны устаревшими и предназначены к изъятию.

Ни в чем так не проявилось большевикское непостоянство, как в истории с советской энциклопедией. Когда были выпущены первые томы большой советской энциклопедии, которая должна была заменить устаревшего «Брокгауза и Ефрона», то вскоре оказалось, что каждый том надо переиздавать с исправленным текстом, так как те лица, о которых восторженно писалось в энциклопедии, либо те лица, которые являлись редакторами и сотрудниками ее, успели сделаться «трижды проклятыми троцкистами, бухаринцами, шпионами, диверсантами, фашистскими выродками» и прочими «врагами народа».

Когда первое издание энциклопедии (то-есть, те люди, о которых в ней было написано, и те люди, которые в ней писали) было расстреляно, а все еретические выпуски изъяты, сожжены и заменены новым изданием, советские деятели просвещения могли с полным основанием сказать словами тургеневского Михалевича: «И я сжег все, чему поклонялся, поклонил-

ся всему, что сжигал», причем глагол «сжигать» надо здесь понимать и в буквальном смысле.

Такое непостоянство коммунисты гордо называли диалектикой.

Чему еще вчера молились с умиленьем,

Сегодня стало прах, рассеялось,

И то, что в этот миг зовем мы преступленьем,

Святенья завтра и закон.

Вместе с тем большевики требуют, чтобы советские люди верили в энциклопедии безусловно и безоговорочно. Никакие сомнения, свободные толкования, дискуссии, никакая критика не допускается.

И вот, предположим, советский гражданин, слепо верящий во все то, что выпущено Госиздатом, желает узнать, что говорит советская энциклопедия об известном коммунистическом историке Михаиле Покровском.

Любознательный гражданин раскрывает сперва том Малой Советской Энциклопедии, затем том Большой. В Малой Энциклопедии он читает (том VI, стр. 662):

«Покровский Михаил Николаевич (р. 1868 г.), коммунист, историк-марксист... Будучи крупным ученым, П. вел и практическую революционную работу, выступая на митингах, читая лекции и разрабатывая вопросы вооруженного восстания... Ленин высоко ценил научную работу П. В письме к П. по поводу выхода в свет «Русской истории в самом сжатом очерке» Ленин поздравлял П. с успехом и выражал пожелание, чтобы эта книга стала учебником. Действитель-

но, заслуги П. как ученого громадны. Он — крупнейший историк — марксист не только в СССР, но и во всем мире. В своих работах П. дал впервые марксистское освещение всей истории России... Вокруг П. растет и ширится созданная им школа историков — марксистов. Свои блестящие исторические работы П. умеет излагать не только строго научно, но и чрезвычайно популярно, что делает их доступными для широкого круга читателей. П. — историк — художник: его исторические характеристики и портреты по своей художественности и едкой убийственному остроумию представляют лучшие образцы политического памфлета. Как настоящий марксист, П. стремится в своих работах не только познать мир, но и переделать его. Он никогда не зарывается в архивный пыль: на основе глубокого изучения исторических фактов, он дает обобщающие выводы, крайне важные для понимания современности и задач будущего... Популярность, художественная форма и едкое остроумие, убийственное для противников и добродушное для товарищей, характерны и для его ораторских выступлений. То же стремление «переделать мир» сказывается и в том, что этот крупнейший ученый никогда не отказывается от практической революционной работы».

Таков «чарующий» облик Покровского, нарисованный Малой Советской Энциклопедией. Чтобы дополнить и закрепить в памяти данные об этом «подлинном марксисте», «глубоком ученом», «блестящем историке — художнике» и родоначальнике целой школы историков — марксистов, любознательный гражданин, слепо верящий в «социалистическую науку» и в советскую энциклопедию, раскрывает 45-ый том Большой Энциклопедии и на странице 856 находит новые данные о том же Покровском:

«Покровский, Михаил Николаевич, русский историк, коммунист... П. был типичным представителем буржуазной интеллигенции с идеалистическими воззрениями, с культурническими стремлениями, с буржуазно-либеральными идеями. В конце 90 годов П. попадает под влияние «легальных марксистов», — этих проводников буржуазного влияния на пролетариат. В 1904 году П. отвергал марксистскую теорию отражения объективного мира, становится на путь отрицания объективной истины и следовательно, объективной науки... Придя в большевистскую партию, П. должен был решительно пересмотреть свои старые методологические взгляды, но сделать это он оказался не в состоянии: он не порвал полностью ни с экономическим материализмом, ни с философским идеализмом... В 1910—12 г.г. написал свой 4-томный труд «Русская история с древнейших времен». Эта работа для своего времени сыграла положительную роль, однако эта книга далеко не марксистская...»

«Ленин с исключительной проницательностью вскрыл основной недостаток всех исторических работ Покровского: их схематизм, отвлеченность от конкретно-исторического материала. Экономический материализм П., принятый им вместо марксистско-исторического материализма, привел к тому, что в его работах политика изображается пассивно следующей за экономикой, отрицается обратное влияние идей на человеческое бытие, игнорируется субъективный фактор в истории, отрицается активная роль государства и творческая роль личности в истории... Историческая концепция П. левачки извращает пролетарский интернационализм, она лишена чувства и любви к родине... Создание русского национального государства, по П., — дело рук торгового капитала. Совершенно не-

верно освещены Покровским события 17-го века. Героическую борьбу русского народа за свою национальную независимость П. трактует, как борьбу отшатнувшихся от полей торгового капитала и дворян. Для Покровского Петр I просто деспот и самодур, по недоразумению прозванный историками Великим. Виновином Отечественной войны 1812 года П. считал не Наполеона, вторжение которого было, по мнению Покровского, якобы необходимым актом самообороны, а русский торговый капитал. П. отрицал национально-освободительный характер Отечественной войны 1812 года».

Приведа еще длинный перечень ошибок и грехов Покровского, Большая Энциклопедия окончательно сбивает с толку читателя. В заключение, Большая Энциклопедия сообщает, что «П. не был последовательным марксистом — ленинцем, игнорировал высказывания классиков марксизма — ленинизма; это привело Покровского к грубейшим извращениям и вульгаризаторству при описании России... Преодоление антинаучных, антиленинских вульгаризаторских и упрощенческих взглядов и исторических концепций П. и его «школы» имеет громадное значение для развития марксистско-ленинской исторической науки».

На эти вопросы коммунистическая диалектика никогда не даст ответа.

С. Любичский.

Лазарет в Литве

(От собственного корреспондента)

Этот лазарет находится в живописной сельской местности вблизи небольшого литовского городка. Два многоэтажных корпуса лазарета вмещают свыше семисот раненых, из них около двухсот человек русских добровольцев!

Русские помещаются в отдельных палатах. Эти палаты ничем не отличаются от тех, в которых находятся раненые германские солдаты. Такие же просторные помещения, те же постели с чистым бельем, тот же внимательный и заботливый уход со стороны медицинского персонала. Собранные же все русские вместе просто для того, чтобы им не было скучно.

Отношения между ранеными русскими и немцами самые товарищеские. Да иными они и не могут быть! Ведь и на фронте, и в операциях против бандитов - партизан и на работе в тыловых районах русские и немцы всегда действуют плечом к плечу. И этот

ствах в лучшем случае остались бы каляками, не только выздоравливают, но и остаются трудоспособными.

Вот один из таких, казавшийся совсем безнадежным, сорокадвухлетний Василий Дейненко из Могилевской области.

С 7 июля 1941 года по 2 мая 1943 года он служил добровольцем в войсках СС. Кстати, в одной роте с ним находился его сын Александр. Во время одной из операций против бандитов-партизан Василий Дейненко был тяжело ранен осколком снаряда в ногу. Осколок переломил ногу и раздробил кость. Казалось бы, в таких случаях единственный выход, во избежание худшего, ампутировать ногу. Но немецкий врач, к которому попал на лечение Дейненко, отказался от ампутации. Он взялся вылечить добровольца, сохранив ему ногу. Девять месяцев находилась нога Дейненко в гипсе. Много настрадался и намучился он

годарности к немецкому врачу, вылечившему его.

Рядом с Дейненко лежит тридцативосьмилетний Федор Попов, шахтер из городка Шахты. Он — перебежчик. 8 декабря 1942 года вместе с одним сержантом перешел под Старой Руссой линию фронта. С сержантом ничего не случилось, а его подстрелили с советской стороны. Ранение оказалось очень серьезным — пуля повредила кость. Перебежчика сразу же поместили в немецкий военный лазарет. Четыре раза ломали врачи ему ногу, добивались, чтобы кость правильно срослась — и так-таки добились своего! Теперь Попову остается недолго лежать в постели.

Приведенные примеры ранений, однако, исключения. Как сказано выше, большинство добровольцев, находящихся в лазарете, не имеют столь серьезных ранений и потому процесс их лечения особенно много времени не требует.

Раненые добровольцы находятся во всех отношениях в прекрасных условиях. Питанием и уходом они вполне довольны. Помимо обеда и обычного пайка им, наравне с немецкими солдатами, регулярно выдают вино, шоколад, так называемые «кantinные товары». К каждому празднику они от руководства лазарета получают подарки.

Для раненых русских добровольцев выписываются газеты «За Родину», «Доброволец», «Украинский доброволец», а также журналы, брошюры, книги. Раненые могут пользоваться книгами из имеющейся при лазарете русской библиотеки, насчитывающей свыше двухсот названий. Два раза в неделю раненым показывают кинофильмы и систематически устраивают концерты. В лазарете, в частности, с большим успехом выступал ансамбль добровольцев. Раненых регулярно навещают офицеры РОА. Само собой разумеется, что раненых добровольцев также навещают их родные и знакомые.

Так германское командование заботится о раненых русских добровольцах — лучших сынах русского народа и верных союзниках германского народа, взявших в руки оружие для того, чтобы освободить родную страну от большевистской власти.

С. Воронов.

Сегодня пуле значительно лучше.

Жизнь будет спасена.

благородный дух боевого и трудового содружества здесь, в лазарете, находит свое проявление в таких, например, фактах, как переливание крови немецким солдатом тяжело раненным русским добровольцам и от добровольцев — немецким солдатам.

Кровь немецкого солдата спасла жизнь двадцатичетырехлетнему Владимиру Ржаницыну.

Незадолго перед войной Ржаницин был выслан из Ленинграда. Однако, когда началась война Ржаницина мобилизовали и послали защищать город, в котором ему не разрешали жить. В октябре 1941 года вместе с четырьмя товарищами Ржаницин перешел на сторону немецких войск. Ровно два года пробыл он стрелком-добровольцем в немецкой части. А 9 октября 1943 года его ранило осколком бомбы, сброшенной советским самолетом. Ранение оказалось серьезным и если бы не кровь немецкого солдата, то вряд ли смог бы Ржаницин теперь рассказывать эту историю.

Кровь немецкого солдата спасла также жизнь Михаилу Демину, уроженцу города Куйбышево. Он уже давно сражается в рядах русских добровольцев и нынешнее его ранение — второе по счету. В обоих случаях он пострадал в операциях против бандитов-партизан. Теперь здоровье Демина быстро идет на поправку. Недавно освободили от гипса его раненое плечо и Демин надеется, что теперь ему в лазарете оставаться придется уже недолго.

Тяжело раненых в лазарете не много. Раненые окружены со стороны врачей и обслуживающего медицинского персонала особенно внимательным заботливым уходом. Благодаря их стараниям многие из тяжело раненых, которые при других обстоятель-

из-за нее. Несколько раз буквально умолял врача отнять ногу. Но врач, решив сохранить ему ногу, упорно добивался своей цели. Теперь уже совершенно ясно, что Дейненко еще некоторое время придется находиться в постеле. А затем он встанет и «на своих двоих» (какое глубокое значение для него имеют эти простые слова!) покинет лазарет, полный чувства бла-

„Москва, Москва, как много в этом звуке...“

ПОЛВЕКА ТОМУ НАЗАД*

На третьем году моего студенчества мечты мои претворились в действительность: я был принят в Московский университет. До сих пор еще я вполне ясно ощущаю то радостное чувство, с которым я ехал в Первопрестольную. И она не обманула моих ожиданий. По мимо исключительного по своему блеску медицинского факультета, этот единственный в своем роде и неповторимый город, в котором веками сосредоточивалась и выковывалась культурная жизнь России, одарила меня таким богатством переживаний и впечатлений, что московский период моей жизни, те двадцать лет, что я там прожил и проработал, кажется мне теперь невыразимо прекрасным сном. Как, в самом деле выразить словами то ощущение, которое я всегда испытывал, проходя ночью через заснувший Кремль, где в древнем Чудовом монастыре до рассвета светилось крохотное окошечко с приделанным к нему старым - престарелым колокольчиком. В ответ на дребезжание последнего, окошечко немедленно открывалось и, так же точно как во времена тишайшего царя Алексея Михайловича, рука невидимого монаха протягивала ночному прохожему маленькую трехкопеечную просфорку, только что вынутую из такой же древней, как и монастырские стены печи. Как вкусно было, возвращаясь домой через Кремль из театра или из затянувшегося за полночь делового заседания, разгрязть слегка похрустывающую, теплую корочку этого по многовековому рецепту из изумительно белой крупчатки изумительно выпеченного хлеба.

* См. № 142.

А чего стоил Малый театр моего времени с Михаилом Провицем и Ольгой Осиповной Садовскими, с великой Марией Николаевной Ермоловой, с неповторимой Еленой Константиновной Лешковской! Его труппа владела священной реликвией Шекспира, перстнем великого артиста, и честь носить эту драгоценность принадлежала исполнителю роли Фамусова.

Заговорив о театре, как не вспомнить оркестра Большого театра, кажется единственным, который не терзал ушей публики неизменно предшествующий увертюре каюфонной настройке, и давал не только слуховое, но и зрительное ощущение: каким прекрасным дополнением к пению его тридцати двух скрипок было четко согласованное движение в одинаковом направлении тридцати двух смычков, которые все как один, то взмывали вверх из провала оркестра, то прятались за рампой. О музыкальных тонкостях исполнения и говорить нечего.

Разве тот кто хоть один раз побывал в Большом театре на Фаусте мог забыть, как Табаков (корнет а пистон) начинал вступление ко второй картине, или как его коротенькие фразы, словно солнечные лучи из туч прорезывали арию Мефистофеля о золотом тельце?

А разве хор Большого театра уступал оркестру? Где кроме Большого театра можно было услышать такие достижения, как его едва слышные вздохи в вальсе из Фауста, или несколько тактов «старичков» в той же картине, или хор последнего действия Князь Игорь?

А чего стоили старик Гельцер с дочерью, всегда шедшие первой парой мазурки в «Жизни за Царя», или мелькнувшие метеором на балетной сцене и так рано ушедшие в частную жизнь Балашева и Джури!

В Москве на моих глазах вырос из ничего лучший в мире театр Станиславского, давший таких актеров, как Качалов, Москвин и Самарина. Вскоре от него отпочковалась Первая Студия с Соловьевой, Гиацинтовой, Колинной и Михаилом Чеховым. На моих глазах разворачивался в театре Мамонтова молодой русский богатырь Шалипин и так рано надломившийся несчастный Врубель. Я сидел в Большом театре на дебюте молодого помощника присяжного поверенного Собинова, которого несколько лет спустя признал лучшим в мире Лоэнгином такой компетентный судья, как Никиш. Я видел, как играл свои первые турниры скромный артист Александр, превзошедший всех когда-либо существовавших мастеров шахматного искусства, и, уже в качестве чемпиона Франции прочно занявший на много лет мировой шахматный престол. Я слушал только что сошедшего с консерваторской сцены юного и затеняемого Рахманинова и следил за тем, как он постепенно завоевывал славу первого в мире пианиста и всеобщего признания себя заместителем Листа.

При мне začínался Московский Литературно-художественный Кружок с его «средами» Мира Искусства и литературными «пятницами».

Одним из первых любовался я неожиданно появившимися в витринах Сапожниковской мануфактуры чудесными русскими гобеленами на былинных темы и художественными работами подмосковных кустарей в музее Леонтьевского переулка. При мне Третьяковская галерея обогатилась Демон Врубеля и Малаянскими бабами, а Арбатская площадь Гоголем Андреева, в мастерской которого я бывал, и которого иногда заставал за работой.

А московские бега с них (по свидетель-

уже знакомое, и потому испытать на себе отражение славы Поддубного мне совсем не удалось).

А чего стоили московские зимние досуги — катание на лыжах в Сокольниках ослепительным солнечным утром, или ночная поездка на тройке Ечкина под пальмы зимнего сада Стрельны, мимо занесенного снегом и залитого лунным светом Серебряного Бора!

И как, говоря о Москве, не вспомнить нас с чем несравнимого чувства радости возвращения в нее после кратковременной отлучки, особенно в зимнее время? Первое ощущение одной Москве свойственного запаха березовых дров; торговля о цене со стоящи-

Большой оперный театр в Москве.

ству компетентных людей) единственной в Европе по своей точности «доружкой», с рекордами Крепыша и Боярышни, с обоями Кэтонами, с Черновым, с Арбузовым и с антитезой этим Божией милостью спортсменам — с толпящимися у ворот въездной аллеи «жучками», чающими сорвать «полтинничек» с приезжего провинциала за указание верной лошади! А атлет борец Поддубный, имя которого произносилось в моем кругу не иначе, как с оттенком снисходительной иронии, и которым мне при моем первом посещении Берлина прожужжали уши соседи по столику в ресторане Луна-парка, и чуть было не устроили мне ошачьи, как соотечественнику великого борца Поддубного (Я в то время был молодым приват-доцентом, только что выпустил свою первую книгу, удостоившуюся хорошей критики и был очень горд тем, что был встречен в берлинском патологоанатомическом институте, как лицо;

ми в глубине вокзального двора извозчиками; получение от подраженного возницы «номерка»; ожидание на ступенях вокзала рядом с носильщиком, пока городской пропускит в очередь только что нанятые санки; Тверская, ее «львы на воротах» английского клуба и «стан гаюк на крестах» такого извращенного в своих простых контурах и нежных красках Страстного монастыря; и, наконец, уют тепло натопленной московской квартиры с ее ослепительно белым видом на бесчисленные московские колокольни и занесенная снегом крыша. Почему же я, прожив и проработав в Париже почти столько же лет, сколько прожил и проработал в Москве, ни разу не испытал радости возвращения в Столицу мира, хотя бы малой доли той радости, которую всегда ощущал при возвращении в Первопрестольную?

Профессор С. Абрамов.

Московский университет.